

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ
И СТАРООБРЯДЧЕСТВО
В НИЖЕГОРОДСКОМ ПОВОЛЖЬЕ:
РАЗВИТИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

А.В. Морохин

С середины XVII в., со времени раскола Русской православной церкви (РПЦ) на «никониан» — представителей официального православия — и сторонников «древлеправославной» церкви, Нижегородское Поволжье становится, пожалуй, самым активным и многонаселенным центром старообрядчества¹. Более трети населения региона к началу XVIII в. составляли сторонники «старой веры»². Сильные позиции старообрядчества в таком регионе, как Нижегородское Поволжье, во многом объяснялись политикой руководства Нижегородской епархии, учрежденной в 1672 г. специально для борьбы с «расколом».

Официальная позиция нижегородских митрополитов находилась в русле общей государственной политики относительно «раскола». В 1702 г. нижегородский митрополит Исая (1699–1707) указывал властям Печерского монастыря, чтобы их крестьяне «в нынешний святой великий пост были все на исповеди з женами и з детми своими». Митрополит также указал властям монастыря, чтобы они «о том радели со всяким тщанием, да тем же крестьянам приказать вам накрепко, чтоб они в воскресные дни и в господские праздники... ко всякому церковному пению з женами и з детми приходили безленостно и работы в те дни никакой не работали»³. Преемник Исая по управлению епархией митрополит Сильвестр (1708–1719) придерживался подобной же позиции⁴. Несмотря на это «раскольники» впоследствии признавали, что в то время «в двоеперстном сложении большого запрещения не имелось»⁵. Причина этого отношения к старообрядчеству на практике заключалась в том, что митрополиты не могли не считаться со старообрядчеством как с влиятельной силой в регионе. Помимо этого, еще несколько факторов, на наш взгляд, влияли на позиции нижегородских митрополитов — это знаменитый указ 1702 г. о веротерпимости и сочувственное отношение духовенства и населения к сторонникам старой веры. Политика Петра I вызвала недовольство не только у старообрядцев, но и у большей части населения и духовенства. Как отмечал историк Русской церкви А.В. Карташев, «большая часть великорусских архиереев и церковных сановников... примыкали даже в оценке всего царствования Петра I к раскольничьим теориям о наступлении времени антихриста и даже об отождествлении самой личности Петра I с антихристом»⁶.

Нижегородские митрополиты Исая и Сильвестр принадлежали к консервативной части русского духовенства. В 1707 г. за резкую критику политики Петра I Исая был лишен сана и сослан в монастырь⁷. Митрополит Сильвестр, в отличие от Исая, не выказывал открыто своего недовольства политикой Петра I, но доверием царя не пользовался.

Исследователи также отмечали сложность и неоднозначность взаимоотношений нижегородских монастырей со старообрядцами⁸. Выражая интересы официальной церкви и государства, монастыри должны были выступать проводниками государственной политики в отношении «раскола». Но в монастырских вотчинах проживало немало старообрядцев. Так, власти Макарьевского Желтоводского монастыря в конце XVII – начале XVIII вв. неоднократно жаловались, что «в прошлых годех в государевых Заборовской и Коряковской волостех... крестьяне-расколщики поселились в Нижегородском уезде в Закудемском стану в их монастырских вотчинах, лесах по реке по Керженцу и по Белбожу и по Моклодке и по иным речкам в их межах и гранях и урочищах насильно, и монастырские их леса пустошат, пашню и сенные покосы росчищают и починки себе строят и монастырскими их бортными деревьями завладели со пчелами болше пятисот деревень, и от того их насильного владения монастырские их вотчинные леса и бортные ухажья разорены и запустошены без остатку»⁹. Но как землевладельцы монастыри были заинтересованы в хозяйственном освоении своих вотчинных земель, в притоке сюда новых рабочих рук и, соответственно, в получении новых доходов. Устраивая свои поселения на вотчинных землях того же Макарьевского монастыря, старообрядцы даже платили оброчные платежи монастырю¹⁰. Это, безусловно, сказывалось на борьбе с «расколом» — власти монастырей были недовольны разорением старообрядческих скитов, следствием которого являлось уменьшение монастырских доходов. Так, в 1754 г., по объявлению обратившегося из «раскола» чернеца Леонтия в вотчину Макарьевского Желтоводского монастыря была направлена воинская команда для «сыску» старообрядческих скитов. Архимандрит монастыря Софроний выразил неудовольствие. В частности, он говорил Леонтию: «Напрасно де, отец Леонтий, на вотчины его наступаешь»¹¹. Более того, монастырские власти защищали не только старообрядческие скиты и их обитателей, но покровительствовали и крестьянам-старообрядцам в своих вотчинных поселениях. Например, в 1726 г. архимандрит того же Макарьевского монастыря Филарет даже посадил на несколько дней на цепь священника Мирона Дементьева, отказавшегося венчать крестьянина с дочерью «раскольника»¹².

Среди приходского духовенства также не было единства в вопросе об отношении к старообрядцам. Священники не могли определиться, считать ли прихожан, крестящихся двуперстным крестным знаменем, «раскольниками». Двуперстие же было массовым явлением среди населения Нижегородского Поволжья¹³. Помимо этого, епархия отличалась малочисленностью церквей¹⁴. В таких условиях старообрядцы не только посещали церковь вместе с «никонианами», но и принимали требы от официальных священников¹⁵. Огромное влияние на приходское духовенство оказывала и крестьянская община. Духовенство было вынуждено подчиняться требованиям, исходившим от мира¹⁶.

После указа 1702 г. о веротерпимости начинается и миссионерская деятельность РПЦ среди нижегородских старообрядцев. В Заволжье сначала действовал иеросхимонах Иоанн (в монашестве Исаакий), а затем Питирим, сначала миссионер, а затем епископ (с 1724 г. — архиепископ) Нижегородский и Алатырский (1719–1738).

Деятельность Питирима среди нижегородских старообрядцев сначала носила исключительно мирный характер. Как свидетельствовали сами старообрядцы, «о вере от него, Питирима, учения им и возбранения никакого не было, только гово-

рил: как кто знает, так и спасайся, а слух им носился, что у него, Пителима, в монастыре устав по-новому, как нынче в Москве и в прочих городах и обителях». Больше того, при отъезде Пителима от старообрядцев последние «собрали денег небольшое число и поднесли тому Пителиму в почесть»¹⁷. Данное свидетельство лишний раз подтверждает тот факт, что представители как официального православия, так и старообрядчества мирно сосуществовали в пределах Нижегородского Поволжья вплоть до 1719 г. — времени занятия нижегородской кафедры Пителимом.

Указом от 8 января 1716 г. Петр I приказал переписать старообрядцев и велел обложить их двойным окладом. 18 января того же года было указано переписать для обложения двойным окладом «раскольничьих монахов и монахинь»¹⁸. В последующем царском законодательстве была выработана система мер борьбы со старообрядчеством, подразумевавшая постепенное изживание «раскола» в России. Проводником этой политики в Нижегородском Поволжье и стал Пителим, активно использовавший светскую власть в лице нижегородского вице-губернатора Ю.А. Ржевского для искоренения «раскола»¹⁹. Время руководства нижегородской епархией Пителимом — это время массового перехода из «раскола» в официальное православие, бегства старообрядцев в другие районы страны, разгрома Керженца — крупнейшего старообрядческого центра.

Заметное изменение политики епархиальной власти по отношению к старообрядчеству происходит в 40–50-е гг. XVIII в. После смерти архиепископа Пителима (1738 г.) внимание епархиального руководства к проблеме «раскола» заметно ослабло, хотя официальная позиция РПЦ и правительства императрицы Елизаветы Петровны (1741–1761) не отличалась веротерпимостью²⁰. Возглавивший нижегородскую епархию 1 сентября 1742 г. епископ Дмитрий (Сеченов) большее значение стал придавать миссионерской деятельности среди языческих народов Поволжья²¹. Подобной же политики придерживались и его преемники по управлению епархией.

В этот период в Нижегородское Поволжье устремляются миграционные старообрядческие потоки с Урала, из Сибири и других регионов. Возвращаются не только те, кто раньше проживал здесь и был вынужден покинуть родные края из-за репрессий Пителима, но сюда направляются сторонники «старой веры» и из других районов страны. В этих условиях происходит возрождение старообрядческих скитов в Заволжье²². Епископ Дмитрий был вынужден сообщить в Синод, что «за Волгою в селах и в лесах и наипаче в дворцовых волостях раскольников весьма находится множество». В ходе расследования выяснилось, что в Заволжье «не точию после беглых раскольников оставшиеся в лесах жилища пришлыми из Сибири, с Усты и из протчих мест расколщниками наполнены, но сверх того за невмещением в прежние жилища и вновь во многих местах построены». В документе, представленном в 1743 г. епископом Дмитрием в Синод, значилось более 50 тайных старообрядческих поселений, в которых проживали 791 человек²³. Усиливается и пропаганда «раскола»²⁴.

По официальным данным, численность старообрядцев в Нижегородской епархии неуклонно сокращалась, но темпы обращения заметно снизились. Так, по данным 1742 г., в Нижнем Новгороде обратилось из «раскола» 16 человек, а всего в епархии — 531 человек²⁵. К 1748 г. в Нижегородской губернии числилось 5447 старообрядцев, а к 1754 г. их насчитывалось 5469 человек²⁶. При этом церковные

власти в начале 50-х гг. признавали, что «раскольщиков... и поныне еще довольно число имеется»²⁷.

Практика рассмотрения дел в Духовной консистории также свидетельствует об изменении отношения к старообрядцам. Приведем несколько примеров. В 1747 г. крестьяне села Богородского Семен Набатов и Евдоким Блинников обратились «из правоверия в раскол двоеперстного ради сложения». Вместо полагавшегося по законодательству жестокого наказания они были вновь «уверены» и привлечены к официальной церкви «по обыкновенной присяге». В 1751 г. староверка Устинья Андреянова, ранее перешедшая в официальное православие, бежала из лысковского Рождественского монастыря и снова перешла в «раскол». Когда же она была поймана, то также отделалась довольно мягким наказанием — была лишь вторично отправлена в павловский Покровский монастырь. В 1752 г. крестьянок села Павлова Аксинью Семенову, Федосью Игнатьеву и Марью Иванову, обвинявшихся в «богопротивной ереси зборищах», было решено отправить под надзор соседней-односельчан²⁸. Жалобы приходских священников по поводу возрождения старообрядческих скитов и активизации пропаганды «раскола» оставались без внимания²⁹. Более того, сам св. Синод в начале 60-х гг. более склонялся к мерам не административного воздействия на старообрядцев, а их «вразумления и обращения», посылая в скиты священников, которые бы могли и старались «от той душепагубной их ереси обращать»³⁰.

Таким образом, в период с 1702 г. по 1762 г. взаимоотношения РПЦ и старообрядчества прошли несколько этапов своего развития. Первый этап (1702–1719 гг.) можно обозначить как время «мирного сосуществования» церкви и старообрядчества. Второй этап (1719–1738 гг.) — попытка слома этих конфессиональных отношений, связанная с деятельностью архиепископа Питирима, когда в Нижегородском Поволжье складывается неординарная ситуация. Именно в это время начинается формирование старообрядческой субкультуры. Третий этап (1738–1762 гг.) можно охарактеризовать как постепенный отход епархиальных властей от политики Питирима в отношении «раскола».

С 50-х гг. XVIII в. государственные проекты в отношении правового положения старообрядцев становятся более прагматическими³¹. С начала же царствования Петра III (1761–1762) и Екатерины II (1762–1796) происходят значительные изменения в правительственной политике относительно «раскола».

Примечания

1. Известный исследователь старообрядчества П.С. Смирнов в одной из своих работ называет Керженец — центр нижегородского старообрядчества — «местом правления раскола» (см.: *Смирнов П.С.* Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII в. СПб., 1909. С. 31).

2. *Мельников П.И.* Отчет о современном состоянии раскола в Нижегородской губернии // Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Т. IX. Н. Новгород, 1910. С. 6.

3. ГАНУ. Ф. 579. Оп. 589. Д. 593. Л. 1.

4. Митрополит Сильвестр даже считал тех, кто только крестился двуперстным крестным знаменем «несогласующимся церкви» (см.: *Есипов Г.* Раскольничьи дела XVIII столетия, извлеченные из дел Преображенского приказа и тайной розыскных дел канцелярии. Т. II. СПб., 1863. С. 502). Возглавляя впоследствии Твер-

скую, а затем и Казанскую епархии, Сильвестр преследовал старообрядцев (см.: Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Синода. Т. II. Ч. I. № 139; Т. IV. № 522; Т. VII. № 56; Т. VIII. № 428). Более того, в 1730 г. Сильвестр обвинял казанского губернатора А.П. Волынского в покровительстве старообрядцам (см.: *Шишкин И.* Артемий Петрович Волынский // Отечественные Записки, 1860. Т. СХХVIII, февраль. С. 512).

5. ГАНО. Ф. 570. Оп. 554. Д. 21 (1751). Л. 3об.

6. *Карташев А.В.* Очерки по истории Русской церкви. Т. II. М., 1992. С. 332–333.

7. Некоторые исследователи связывают снятие Исаяи с нижегородской кафедрой с его потворством «раскольникам» и «приверженностью старым обрядам» (см.: *Макарий*, арх. История Нижегородской епархии. СПб., 1857. С. 12; *Мельников П.И.* Очерки поповщины // ПСС Т. VII. СПб., 1911. С. 27; *Зеньковский С.А.* Русское старообрядчество. Духовные движения XVII в. М., 1995. С. 436).

8. См.: *Соколова Н.В.* Роль Макарьевского Желтоводского монастыря в хозяйственном и культурном развитии Нижегородского края в XVII – первой четверти XVIII в. // В памяти Отечества. Горький, 1989. С. 165.

9. ГАНО. Ф. 998. Оп. 588. Д. 567. Л. 1 об.

10. *Соколова Н.В.* Указ. соч. С. 166.

11. ГАНО. Ф. 570. Оп. 554. Д. 21 (1754). Л. 7 об.

12. Там же. Оп. 552. Д. 167 (1726). Л. 2–3.

13. В письме Петру I от 12 февраля 1719 г. нижегородский вице-губернатор Ю.А. Ржевский писал: «А в именном твоём, царского величества, указе, и в пунктах, каковы мне даны о воображении крестного знамени, которые по всему церковники, а воображают себя двумя персты, таких к расколу причитать ли, того не написано, а в Нижегородской губернии таких обретается многое число» (см.: *Есипов Г.* Указ. соч. Т. II. Приложение. С. 201–202).

14. *Архангелов С.А.* Среди раскольников и сектантов Поволжья. СПб., 1899. С. 3; *Смирнов П.С.* История русского раскола старообрядства. СПб., 1895. С. 184; *Щапов А.П.* Русский раскол старообрядчества. Казань, 1859. С. 373.

15. Подробнее см.: *Морохин А.В.* Особенности исповедальной системы учета старообрядцев в Нижегородской епархии в первой половине XVIII в. // Памятники христианской культуры Нижегородского края. Материалы научной конференции. Н. Новгород, 2001. С. 220–224.

16. Там же.

17. *Есипов Г.* Указ. соч. Т. I. СПб., 1861. С. 596.

18. ПСЗ. Собрание второе. Т. V. № 2991, 2996.

19. Подробнее о деятельности Питирима см.: *Макарий*, арх. Указ. соч. С. 32–103; *Оптоцкий А.А.* Преосвященный Питирим, епископ Нижегородский, как деятель против раскола // ХЧ. 1874. № 10–11; *Морохин А.В.* Питирим и его роль в борьбе со старообрядчеством в первой половине XVIII в. // Дискуссионные вопросы Российской истории. Материалы IV межвузовской научно-практической конференции «Дискуссионные вопросы Российской истории в вузовском и школьном курсах». Арзамас, 2000. С. 56–62; *он же.* Церковно-политическая деятельность нижегородского архиепископа Питирима в послепетровскую эпоху // Мининские чтения. Материалы докладов научных конференций. Н. Новгород, 2001. С. 87–94.

-
20. Собрание постановлений по части раскола. Кн. I. М., 1860. С. 462–463, 499, 520–524 и др.
21. Примечательно, что епископ Дмитрий занимался «делами неверных» не только в Нижегородской епархии, но и в сопредельных территориях (см.: Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Т. I. № 171).
22. Подробнее об этом см.: *Морохин А.В.* Заволжские старообрядческие скиты в 40–50-х гг. XVIII в. // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Н.Новгород, 2001. С. 144–150.
23. РГИА. Ф. 796. Оп. 24. Д. 16а. Л. 1–44.
24. ГАНО. Ф. 570. Оп. 553. Д. 28. (1746). Л. 37–39об.; Д. 37(1747). Л.6 об.; Оп. 554. Д. 8(1760). Л. 7–7об.
25. Там же. Оп. 552. Д. 31(1742) Л. 1–52.
26. *Бухерт В.Г.* Численность и социальный состав старообрядцев Нижегородского края по итогам переписей первой половины XVIII в. // Публицистика и исторические сочинения периода феодализма. Новосибирск, 1989. С. 129–130.
27. ГАНО. Ф. 570. Оп. 554. Д. 2(1752). Л. 1–1об.
28. Там же. Оп. 553. Д. 37(1747). Л. 8.; Оп. 554. Д. 21(1751). Л. 3об.–19об.; Д. 1(1752). Л. 35.
29. Там же. Оп. 554. Д. 21(1755). Л. 1–2.
30. РГИА. Ф. 796. Оп. 42. Д. 118. Л. 6.
31. *Омельченко О.А.* Церковь в правовой политике «просвещенного абсолютизма» в России // Историко-правовые вопросы взаимоотношений государства и церкви в истории России. М., 1988. С. 36.